

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ЗОЛОТО СКИФОВ

Иллюстрации
Андрея Крысова

#эксмодетство
Москва
2025

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ЗОЛОТО СКИФОВ

Иллюстрации
Андрея Крысова

#эксмодетство
Москва
2025

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник *Андрей Крысов*

Иллюстрация на обложке *Жени Ноал*

Дизайн серии *Надежды Кривошты*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60   Золото скифов / Дмитрий Емец ; иллюстрации Андрея Крысова. — Москва : Эксмо, 2025. — 272 с. : ил.

ISBN 978-5-04-204269-0

Рядом с домом семьи Гавриловых происходит настоящее преступление — похищена золотая скифская чаша! И тут начинается водоворот событий: загадочные соседи, таинственные ночные визиты и старинный музей через стенку. Это лето Гавриловы не забудут никогда!

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

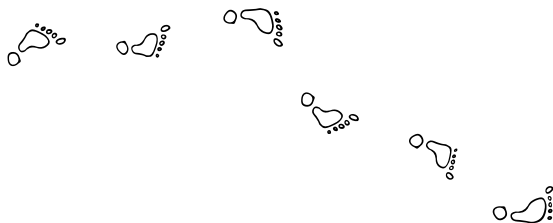
© Емец Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-204269-0

МОЕМУ СЫНУ ИВАНУ ПОСВЯЩАЮ

Жить для детей — это здорово.
Но лучше жить вместе с детьми, и жить насыщенно.
Дети не прощают родителям, когда у тех
только одно занятие — родительство.
Поэтому жить надо интересно,
тогда и детям будет интересно
смотреть, как ты живёшь.

Папа Гаврилов

Глава первая

ЗОЛОТО СКИФОВ

Хотите секрет вечного счастья? Записывайте! Идёте в зоомагазин. Покупаете штук двадцать сверчков. Они продаются как корм для ящериц и стоят дешево. Сажаете их в пластиковый контейнер, положив туда разрезанную картонную упаковку для яиц. Изредка кормите тёртой морковью, поите из мокрой кухонной мочалки и с утра до вечера наслаждаетесь звуками.

(с) Саша

Большая семья Гавриловых — папа, мама и семеро детей — opravилась в поход вокруг озера Мойнаки. Вообще-то озеро было лиманом и примыкало к морю так плотно, что в одном месте остался лишь узкий перешеек. Но всё равно его почему-то называли озером.

Сейчас, в начале июня, немало горожан выехало сюда на пикники. Повсюду на перешейке стояли

раскладные мангалы — или без мангалов над углями на шампурах жарилось мясо. Аппетитные запахи отвлекали юных Гавриловых от похода. Дети то требовали пить или есть, то устраивали сидячую забастовку. Поход, длившийся уже три часа, им порядком поднадоел. Папа Николай, которому то и дело приходилось тащить кого-нибудь из младших на руках и выслушивать капризы старших, ворчал, что для современных детей нужны гуляльные кандалы.

— Всё замечательно! Мы на свежем воздухе! Ты же всегда рассказываешь в интервью, что любишь походы! — успокаивала его мама Аня.

Она шла самой первой. Порой останавливалась и то выуживала из травы красивую ветку, то поднимала с песка ракушку. У мамы были уже заняты руки и полны все карманы, так что, когда она брала что-то одно, что-нибудь другое у неё обязательно падало. Все эти вещи нужны были маме для поделок. Папа и дети смотрели на неё с беспокойством. Они помнили, как в прошлый раз мама нашла замечательную гранитную глыбу и не успокоилась, пока они не забрали её с собой.

— Такая чудная маленькая глыба! Поднималась со дна моря, откалывалась от скалы и ждала нас на этом месте восемьсот миллионов лет! Неужели мы отвернёмся от неё и пройдем мимо?

Разумеется, отказать глыбе, прождавшей их так долго, было невозможно. Гавриловы попытались погрузить её на детскую коляску, но в коляске что-то треснуло, и глыбу пришлось катить по асфальту километров пять.

За мамой аистом вышагивал старший сын Гавриловых одиннадцатиклассник Петя. По сторонам не смотрел, а глядел на экран телефона, по которому перемещалась точка гугл-карты. Пете важно было уличить карту в неточности.

— Это что тут на карте? Грунтовка! А по факту тут что? Асфальт! Врёт карта! — то и дело восклицал он.

У Пети в последние месяцы была тяжёлая полоса. Чем ближе к ЕГЭ и к поступлению, тем хуже у него становилось настроение. Папа и мама не знали, как его приободрить. Петя регулярно повторял, что удовольствия нет, счастья нет. Предстоящая взрослая жизнь — сплошное уныние и вечная работа. Никаких просветов.

Мама Петиной хандры не разделяла и всячески пыталась его растормошить, одновременно создав ему рабочую атмосферу. Она и одеялом ему угол выгораживала, и загоняла его на старый шкаф, где можно было лежать, как на кровати. Но Пете почему-то и за одеялом не работалось, и на шкафу не сиделось. Часа два занятий — и его мозг отключался. Он начинал искать виноватых и, конечно, легко обнаруживал их среди братьев и сестёр. Но странное дело: когда Пете никто не мешал, например все братья и сёстры были на улице, то он сам бродил по дому и искал того, кто бы ему помешал и оказался виноватым в том, что он не готовится.

Вика, четырнадцатилетняя сестра Пети, захватила с собой в поход двух цвергпинчеров — Вилли и Ричарда. Вести на длинных поводках двух дрожащих собачьих мужчин было не так уж и просто. Они вечно перепутывали поводки и закручивались вокруг столбов. А ещё надо было следить, чтобы они не хватали с асфальта и не глотали что попало. Собачки как пылесосы

втягивали любой попадающийся им съедобный предмет, а за старое крыло чайки могли даже подраться.

— А-а-а! — кричала тогда Вика, хватаясь за голову. — Что вы делаете?! А если чайка умерла от туберкулёза?!

— А раздавленная крыса, которую они сожрали минутоу назад, от бубонной чумы! — ехидно говорил Петя.

Вика закатывала глаза, прикидывая, не упасть ли в обморок, но на дороге было грязно, и обморок приходилось раз за разом откладывать. Тем более что Вилли уже нашёл где-то рыбий хвост и теперь поспешно им давился.

За Викторой вышагивали двенадцатилетняя Катя и девятилетняя Алёна.

Катя, она же Екатерина Великая, была большая аккуратистка. В свободное время она убиралась в своей половине комнаты, складывая вещи по японскому принципу так, что они занимали удивительно мало места. Например, майка сворачивалась и становилась тоньше карандаша.

Алёна, в отличие от Кати, убираться не любила. Она любила рукоделие, а ещё слушать аудиокниги и читать. Книги высились в её части комнаты полуметровыми стопками. Вещи же лежали ковром, так что самый простой способ пройти по комнате, не наступив на них, был прошагать по стопкам книг.

— Нет-нет-нет! — говорила Алёна. — Никаких уборок! Я так никогда ничего не найду! Сейчас у меня в комнате всё валяется на своих местах, а после уборки всё аккуратно лежит неизвестно где!

Катя и Алёна волокли за руки семилетнего Сашу — величайшего экспериментатора в мире.

Саша ныл, что устал. Поджимал ноги, укладывался на траву, но временами, вырываясь от сестёр, пробегал метров четыреста или забирался на высокое дерево. Все прошли километров восемь, а Саша — километров двадцать, потому что в начале похода он всё время бегал зигзагами и вопил: «Почему мы идём так медленно?!»

А ещё Саша не переставая болтал. Дядя Бубубу, знакомый семьи Гавриловых, как-то предложил ему миллион, чтобы он помолчал в течение двух часов. Вполне серьёзно предложил, потому что Саша очень уж ему надоел. Саша выдержал только одну минуту сорок секунд, и Гавриловы так и не разбогатели.

За Катей и Алёной шёл глава семейства папа Николай. На плечах у него сидела трёхлетняя Рита и управляла папой, дёргая его за уши. Правое ухо — поворот направо. Левое — налево. Правда, папе давно уже надоело слушаться, и теперь он был непослушной лошастью. Отказывался заходить в озеро, отказывался скакать. Хотел сесть за компьютер и работать. К тому же Рита была не самым невесомым ребёнком в мире.

— У Риты толстые ноги! Она всё время ест! — говорила Вика.

Рита слышала это и надувалась, собираясь заплакать.

— У Риты лучшие круглые ножки в мире! У тебя такие же были! — торопливо возражала мама.

Вика с ужасом смотрела на свои ноги, похожие на палочки циркуля. Теперь волновалась уже она.

— Неправда! У меня никогда не было толстых ног! — заявляла она.

За папой и Ритой по перешейку короткими перебежками двигался пятилетний Костя. Он ловил бабочек и кузнечиков и сажал их в пластиковый контейнер с дырками, проделанными раскалённой вилкой. Все окна в доме Гавриловых были заставлены банками, в которых жили сверчки, богомолы, медведки, палочники, шипящие тараканы, майские жуки и многоножки. Всё это было хозяйство Саши и Кости. Чтобы узнать, как за ними ухаживать, они целыми днями вбивали в компьютер что-нибудь вроде «разведение клопов и тараканов» и возмущались, потому что компьютер предлагал варианты, как от них избавиться. И даже голосовой поиск не помогал. Голосовым поиском компьютера Костя научился пользоваться месяца три назад. Он дожидался, пока от компьютера все отойдут, включал микрофон, набирал полную грудь воздуха так, что казалось, он сейчас взлетит, как воздушный шар, и громко-громко кричал:

«Хороший суперский бумажный самый настоящий хороший самолёт как его складывать нет не такой чтобы быстро летал а чтобы долго летал не слушайте Сашу что он вопит такой вот хороший самолёт и как размножить насекомых тоже».

Перед тем как выйти на перешеек, Гавриловы шли степью. Степь была ровная, плоская, с бугорками сусликов, с частыми алыми вспышками маков по обочинам. По полю перекачивались седые волны ковыля. Они точно отделялись от поля и не имели никакой связи с землёй. Под ковылём средним ярусом подрагивали маки. И внизу, неподвижный, важный, едва кланялся ветру клевер. К оврагу у озера жались пришедшие на водопой ивы. Встретилась в степи и заблудившаяся

карликовая сосна. Несколько раз горевшая вместе со степью, сосна была обожжена, но жива и росла наискось, тянулась к далёким горам. Рядом с сосной, ближе к тропинке, стоял серый крестик безымянной могилы. И он не сгорел: огонь пробегал здесь всегда быстро, крест же был обложен камнями.

Отовсюду проступала красота мира, и папа страдал, что не может зачерпнуть её и перенести в книгу. Много было этой красоты, изливалась она со всех сторон, как хлещут струи в ливень, а он только и мог, что зачерпнуть совсем немного, точно под дождём бегал туда-сюда с банкой.

«Может, проблема в том, что я слишком спешу писать своё и мало читаю книгу Бога, в которой я только один из героев?» — думал он.

Последний месяц папе Гаврилову не работалось. Он мучительно ждал вспышки интереса к чему-либо, которая накроет его с головой как морская волна и передастся читателю. Пока этого увлечения нет, пока ты сам не зажёг себя — любая работа бесполезна, можно только собирать материал. Солнце потому и греет, что само чудовищно горячее. Чтобы читатель увлёкся, сам писатель должен запылать. Притвориться здесь не получится. Пока же папа то возился с заметками, то вырезал из полосок бумаги сюжетные линии и перекладывал их с места на место, как вдова, раскладывающая пасьянс. Сделал из колоды карт героев, наклеил им лица из выведенных на принтере фотографий и разложил их на столе, надеясь, что так будет легче. Но легче не становилось. Разве что Алёна приделала героям дополнительные ручки и ножки, сделавшие их похожими на жуков.

— Давай ромашек нарвём! — предложила Катя.

— Думаешь, это ромашки? Это пупырык! Ромашка представлена здесь только одним видом: ромашка ободранный, — важно сказал Саша.

— Не умничай, мелкий! — сказала Катя.

Саша, забывший уже, что устал, вырвался от сестёр и нашёл в кустарнике застрявшее с прошлого года перекати-поле.

— Костя, возьми его! Готов? — завопил Саша, забегающая вперёд. — Отпускай! Ловлю!

Костя отпустил. На несколько мгновений круглое перекати-поле недоверчиво застыло, покачиваясь на месте, и вдруг, рванувшись, устремилось вперёд. Вертелось, спешило, отрывалось от земли. Подпрыгнув, пронеслось мимо Саши и скрылось в степи. Саша бросился догонять — да куда там!

— А-а-а! Не поймал! Ты неправильно пустил! — чуть не плача закричал он Косте.

Они вышли к перешейку. На дорогу из камышей выпрыгнул волейбольный мяч. Саша, не раздумывая, схватил его. Вслед за мячом неизвестно откуда выскочил плотный мальчик. Ни слова не говоря, он сбил Сашу с ног и покатился с ним по траве. Всё произошло мгновенно. Саша и мальчик катались по траве, а мяч преспокойно лежал, и на него садились мелкие мушки.

— Кстати говоря, я собирался его вернуть! — пытаясь, объяснял Саша, пытаясь положить мальчика на лопатки.

Из кустарника вышел мужчина в плавающих. Он весело, как хорошему знакомому, помахал рукой папе Гаврилову, подобрал мяч и пошёл к мангалу. Его сын выпустил Сашу и, победно оглядываясь, устремился за родителем. Саша встал и как ни в чём не бывало отряхнулся.

— Ну что, пошли дальше? — спросил он.

Плотный мальчик издали обернулся и показал Саше язык.

— Не местные... Скорее всего, Сибирь или Северный Урал, — сказал Петя.

— Откуда ты знаешь? — спросила Катя.

— Да это ж видно! Местные, чтобы снять куртку, ждут тридцати градусов. А эти в двадцать голые бегают! И загорелые уже, а местные ещё все белые.

— А если, например, женщина встала на отдыхе в четыре утра, до шести утра уже искупалась в море, до семи всё переделала, перестирала, до десяти сходила на пять экскурсий и не знает, чем ей ещё заняться, то это кто? — спросила мама Гаврилова.

— Скорее всего, педагог, — мгновенно отозвался Петя.

Папа Гаврилов заинтересовался. Наблюдательности Пети он доверял.

— А если рыжеволосая женщина перегородила единственный выезд из переулка и три минуты красит в машине губы, то откуда она?

— Не знаю, — сказал Петя. — На номера машины надо было смотреть, слишком мало сведений.

Низкий рёв заставил всех вскинуть головы. Поверхность озера задрожала. На небольшой высоте пронеслась двойка истребителей. Сегодня самолёты были видны во всех подробностях, а порой слышался лишь гул, доносящийся притом не из того места, где самолёт находился. Это оттого, что истребитель летел быстрее скорости звука.

— Ну и чего они тут разлетались? Птиц распугали! — заворчал Саша.